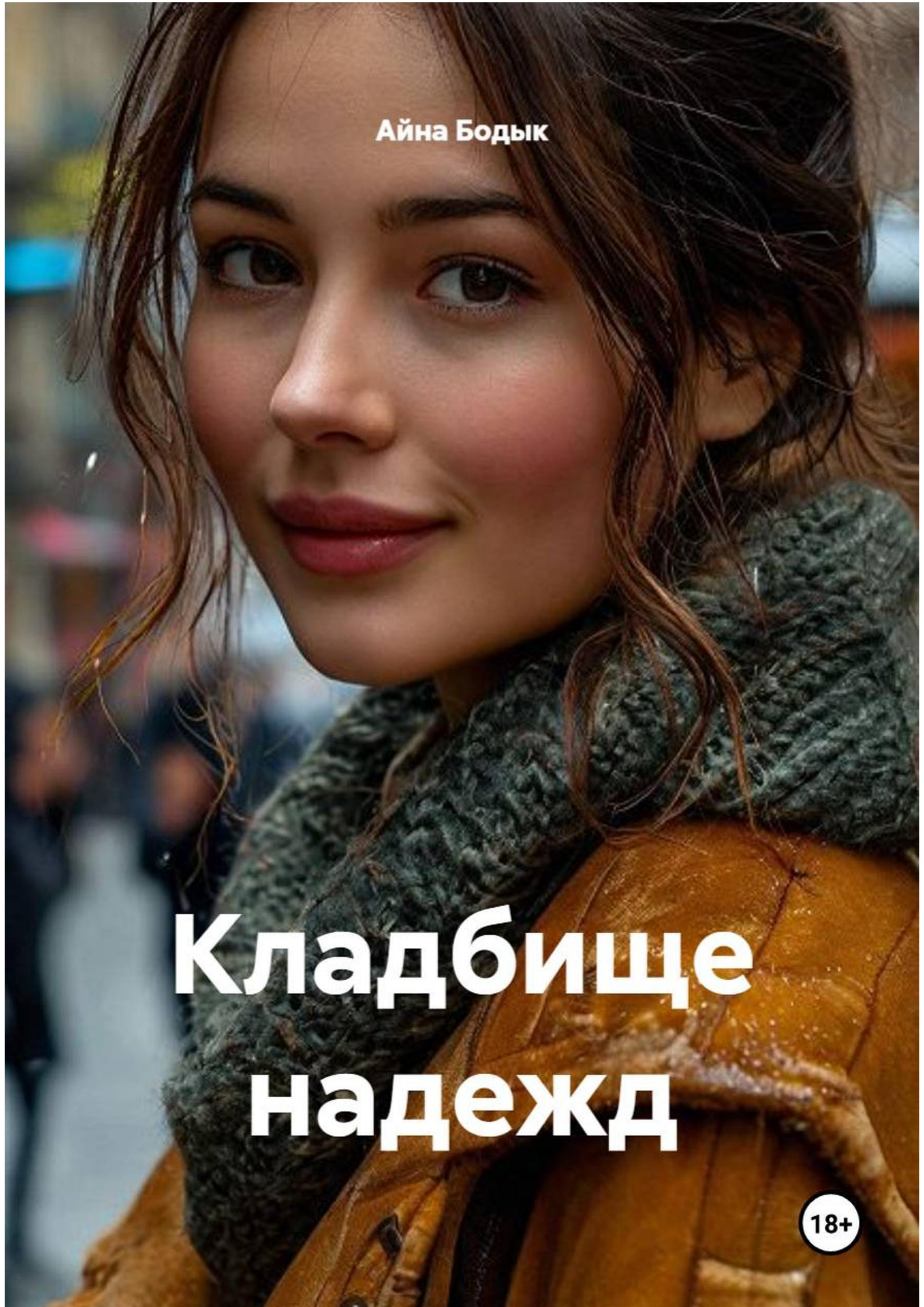

Айна Бодык

Кладбище надежд

18+

Айна Бодык

Кладбище надежд

«Автор»

2026

Бодык А.

Кладбище надежд / А. Бодык — «Автор», 2026

Дина Кайсарова, девушка с синдромом Спасателя, жаждущая очистить весь мир от зла, не замечает, что рядом страдает близкий ей человек - подружка Лаура. Лаура знакомит подругу со своим женихом и Дина с ужасом осознает, что теперь ей придется скрывать свои, внезапно вспыхнувшие, чувства к Айдару. Несчастливая Лаура, догадавшись, что Айдар влюблен в Дину, трагичным образом разрывает этот любовный треугольник. А в городе, между тем, находят изуродованные тела мужчин.

© Бодык А., 2026

© Автор, 2026

Айна Бодык

Кладбище надежд

КЛАДБИЩЕ НАДЕЖД

Боль я выдержу, меня доконает надежда
Н.Хорнби

Глава 1 СМЕРП

На крыше дома стоял человек с телефоном в руке и вёл свой последний разговор. Ещё недавно, этот тщедушный и простоватый с виду мужичок наводил животный страх на своё окружение, блаженствуя, при этом, на вершине финансового Олимпа. Он и сейчас, на пороге смерти – вот насмешка судьбы – был на высоте: под его ногами уходила вниз сорокаметровая бетонная бездна.

- Я не прошу от тебя многого, просто убей эту тварь.
- Девчонку??? – Телефон заскрежетал лающим смехом абонента, - как её фамилия?
- Кайсарова и она не человек, она дьявольское отродье, и ей кто-то помог...
- ...свалить тебя, так может грохнуть того, кто за ней стоит?
- Чтобы его вычислить, нужны деньги и связи. Теперь у меня ни того, ни другого нет.

Только ты.

- Не уверен, что буду помогать тебе. Ты обидел сироток, это не по- мусульмански.
- Я...ведь...
- Да-да, я помню. За мной должок. Я все сделаю. Есть у меня на подхвате два брата - акробата, отморозки полные, как раз для такого дела.
- Вместе с ней должен сдохнуть и её жених, г-н Сабитов. Хочу, чтобы их взорвали, чтобы их по кускам собирали.

Договорил, набрал воздуха полную грудь, медленно выдохнул и сделал шаг.

На террасе, утопающей в цветах, за столиками из бамбука, в плетёных креслах сидели трое молодых людей, вели неспешную поначалу беседу, по мере обсуждения повышая градус её накала. Неудивительно, ведь тема была из тех, что бьют по нервам каждого, у кого есть сердце и чувство сострадания.

- Педофилов развелось как собак нерезаных. Новости, уже, смотреть противно.
- Да, не говори, над детьми издеваются, а мы сидим и смотрим на это.
- Ну, а что можно сделать? – Невесело бросила, доселе молчавшая, первую реплику самая юная среди присутствующих и, собственно, хозяйка роскошного дома, в три этажа, и прилегающего к нему прекрасного сада.
- Ляк, да много чего можно. Интернет это сила! – Глядя на нее, припечатал парень.
- Вот! Наконец- то мы подошли к самому главному. Ты прав, Константин. Наказать можно и информацией. Вот наше оружие. Пока о них никто не знает, они спокойно ходят среди нас. А надо, чтобы в них пальцами тыкали, как в прокажённых. Клеймо на них должно быть!
- И как это сделаем?
- Сайт. Создадим сайт. В нем разместим какие-нибудь научные статьи по теме. А самое главное, новости нашего города, любые подозрения на присутствие педофилов рядом и комментарии читателей. Надо будет, фотографии выставим.
- Э- э, Дина, тормози, так мы таких дел наворотим, таких дров наломаем. Доказательства нужны.

- В том-то и дело, Константин. Здесь лучше перебдеть. Пусть попадутся невинные, а нечего околачиваться около детей. Пусть соседи, знакомые, кто видят в какой-либо семье неполадок, заподозрят неладное, сразу пишут нам. В полиции связи есть, возьмём список отсидевших, пусть знают, шо весь город следит за ними.

- Ну, ладно, согласен. Как назовём?

- Я уже думала над этим. СМЕРП.

- Смерп? Что это?

- По аналогии с советским СМЕРШем. Только там смерть шпионам, а у нас смерть педофилам. СМЕРП! Ляка, ты что, плачешь?

- Нет, Диночка, это я так. Я спросить хотела.

- Говори.

- А если, например, человек знает, что его сосед... ну, тот самый... п-плохой человек, напишет, допустим, на сайт и что вы с ним сделаете?

- Во- первых, я уже сказала, огласка, она уже навредит ему. Во- вторых, сделаем все, чтобы довести дело до суда. В тюрьму эту тварь.

- Причём, на пожизненное, - подхватил Константин, - и проследить потом, сидит он там или уже на песочке океаном любитесь. Коррупция, ё- моё, уйдёт, когда деньги исчезнут.

- А дело не в деньгах, а в жадности.

- А если и это не поможет?

Дина и Константин переглянулись, а кошки - исключительно, британской породы - и вальяжно бродившие вокруг столиков, и с томным видом возлежащие под ними, насторожились, словно учуяв важность наступившего момента в разговоре людей.

- Тогда- а, - начал было Константин.

- Тогда я его обезврежу!

- Как это? – Хором воскликнули друзья-единомышленники.

- Так это. Прицелюсь и отсеку лишнее! Шобы нечем смердеть было.

Лаура с восхищением уставилась на подругу, а Константин уважительно хмыкнул.

- Ты могёшь!

- Не могёшь, а можем, - рассмеялась Дина.

- Только ты успокойся, Дин, - сказал Константин, а Лаура, дотянувшись до руки подруги, ласково погладила ее.

- А шо такое?

- Шо, шо, - передразнил ее Константин, - шокать начала, говорю. Не нервничай! Сменим тему, ответь-ка мне, Ляка, чего это имя у тебя не совсем казахское, а я бы сказал, древнегреческое, а?

- Папа так назвал, мама была против.

- А, - махнула рукой Дина, - современные казахи изощряются как могут.

- Дамы, пока суть да дело, приглашаю вас в этот уик-энд окунуться в чистые, хлорированные воды аквапарка.

- Ты забыл, одной из присутствующих дам категорически не рекомендуется появляться в местах общественных купаний, дабы не оскорбить эстетическое восприятие отдыхающих?

- А, черт, народу же там уйма. Махнём на водохранилище, там почти никого нет.

- Из этого почти, мне будет довольно одного, вроде твоего друга, который, прошлым летом, узрев, лишь, моё оголённое плечо, с детской непосредственностью тыкал в него и кричал: «Что за хрень???».

- Я ему потом все объяснил.

- Благодарю, я знаю, что он попал в больницу после твоего «объяснения» и всё-таки откажусь.

- Можно на катамаранах покататься, а кто хочет, пусть купается.

- Ура, Ляка все чётко придумала! Едем!

На создание сайта ушло немало времени, а через две недели, после его открытия, сайт забурлил обсуждениями, мыслями, идеями и прочее. Константин запустил видеоролик, на котором мужчина собирается совершить насилие над ребёнком, но попадает в прицел снайперской винтовки, кадр сменяется и девушка в чёрном уводит за руку мальчика, они идут по цветочной поляне, птички над её головой образуют полукруг, затем превращаются в кровотокающие буквы «СМЕРЬ», звучит, откопанная Константином в недрах Сети, композиция под названием «Сатисфакция». Сначала Дине не понравился выбор музыки, но поразмыслив, пришла к мысли, что название имеет двойкий смысл: удовлетворение сексуальное в действительности оборачивается удовлетворением моральным, отмщением и карой.

Соответственно, не замедлилась и ответная реакция – в адрес Дины Кайсаровой понеслись обвинения в клевете, оформленные в виде заявлений в полицию от тех, кто, как говорится, попал под перекрёстный огонь организаторов сайта и жителей города.

Через полгода стало ясно: сбылись опасения Лауры, тем или иным способом, избежавшие наказания, насильники, все так же представляют угрозу для детей и на некоторых из них родители написали заявления в полицию и потребовали медицинского освидетельствования детей, чтобы быть свободными от смутных, но от этого не менее страшных, подозрений. Вышеозначенные граждане немедленно заручились поддержкой адвокатов и все усилия родителей пропали втуне.

Так и определились три претендента на отстрел «гениталий».

Город ждал, посетители сайта строили догадки. И наступил день, когда равнодушное общество потрясло оглушительное известие, передаваемое из уст в уста: Дина Кайсарова – а кто же еще? – произведя несколько метких выстрелов, избавила трех жителей города от некоторых частей тела. Впрочем, в зависимости от степени интеллигентности применялись разные словесные формы обозначения акта возмездия: выхолостила, лишила мужского достоинства, кастрировала. Самые емкие определения, конечно, имели нецензурный характер. Но не будем их повторять.

Все, кто переживал за Дину, в том смысле, не придется ли ей пострадать от преследования правоохранительных органов, вздохнули с облегчением: хвала Создателю, полицейские и здесь не изменили своим принципам, зачем совершать лишние телодвижения, если можно ничего не делать.

Меж тем, город, словно захватила чума недоверия: каждый подозревал каждого в злом умысле, а все взрослые вдруг кинулись пристально следить за безопасностью детей.

- Результат есть, - радовался Константин, - теперь, всякая педомразь прижмет свой гнилой хвост!

- Этого мало, - сокрушалась Дина, этот вопрос должен решиться на высоком уровне, закон придумать новый нужно, да такой, чтобы у них шансов не было.

- Главное начать, а там завертится, - не сдавался Константин, - новый год начался с мощного позитива!

- Ты прав, пусть хотя бы в нашем городе эти твари будут каждого щелчка бояться. Как же я их ненавижу! Они хуже убийц!

- Согласен. Врачи говорят, это болезнь. Ну, так, не будь гнидой, убей себя, чем над мелким измываться! Ничего, для начала в Караганде мы наведём порядок, а там и другие города подтянутся. У этих сволочей земля под ногами гореть будет.

Сайт заработал во всю силу и стал своеобразным городским, родительским чатом. Если все последовавшие за этим события, сравнить с полётом пули, то открытие сайта стало нажатием на спусковой крючок.

Глава 2 День рождения

По традиции свой день рождения Дина отмечала у родителей, куда приглашались родственники и друзья. Не то чтобы, именинница так любила шумные сборища, скорее, это было единственной уступкой родителям, на которую она шла.

В этот раз сценарий торжества слегка изменился. Константин и Лаура предложили Дине продолжить общение в её доме, в узком, так сказать, кругу. А если подробно, то Константин наклонился к плечу Дины и с видом советника при кардинале, важно произнёс:

- Требую продолжения банкета!

А Лаура просияла и шепнула:

- Поехали к тебе.

Так друзья и сделали. Распрощались с хозяевами и гостями и умчались праздновать дальше.

Вошли в пустой двор, пока Дина возилась с ключами, Константин огляделся и укоризненно заметил:

- Ты б собачку какую завела или кошака, а, Дин?

Ему ответила Лаура.

- Кота нельзя, кошечку надо.

- Почему?

- Если заведёт животное мужского пола, замуж не выйдет.

- О, - оживилась Дина, - тогда заведу пса, кошек не люблю.

- Не понимаю, как можно не любить кошек? – Слегка насупилась Лаура.

- Ладно-ладно, Ляка, не обижайся, я согласна, кошки – божественные создания.

- Ляк, а сколько в твоём зверинце хвостатых, поди дюжина набралась?

- Нет, пока только семь.

Они разместились на кухне, благо она была просторной, Константин уселся в единственное кресло, - оно скрежетало при малейшем его движении - девушки присели за полупустой стол. Насладиться обществом друг друга, вот что было целью их побега, а не пища телесная. Дина и Лаура лениво отпивали по глотку апельсиновый сок из чайных кружек, а молодой мужчина долго сокрушался по поводу того, что не прихватил по дороге пива.

- Как я мог забыть, что у тебя никогда выпивки нормальной нет. Ладно у твоих в доме нельзя, это я понимаю, но у себя- то, в холодильнике, можно же бутылочку светлого припрятать.

- Не бухти, алкоголик, завтра напьешься у кого-нибудь. Лучше расскажи что-нибудь, а то я забыла, когда последний раз смеялась, да, Ляк?

Лаура улыбнулась, предвкушая веселье, Константин обладал даром рассказчика и отличным чувством юмора: от его историй слушатели буквально катались по полу. Его невозмутимый тон и серьёзное-серьёзное выражение лица только усиливали комический эффект.

Достаточно повеселив подруг, Константин потянулся к сумочке хозяйки, жадным взглядом выискивая в ее содержимом нечто вожаденное.

- Дин, покажь кинжал, что дядька подогнал тебе на прошлые именины, а?

- Нет у меня в сумке никаких кинжалов, есть пилочка, - Дина взглянула на улыбающуюся гостью, ища подтверждения своим словам, - из арабской легированной стали!

- Такой пилочкой прирезать как плюнуть, - парень вертел в руках нож, замороженный блеском тонких граней, - использовать приходилось?

- Пару раз. Первый, когда одному мажорику хотела улыбку на всю рожу нарисовать, не получилось, чиркнула по шее и тут миротворцы налетели, скрутили меня. Обидно, когда он меня грязью поливал, сидели, будто в цирке, ухмылялись, сохраняли чертов нейтралитет, видите ли.

- Это тогда тебя полики загребли?

- О чем и речь, полицию какая-то гадина вызвала, а те пистолет как увидели, взвыли от радости. Думали, на него разрешения нет.

- А второй случай?

- В автобусе ехала с коллегой, он начал всякие эпитеты придумывать, подходящие, по его мнению, для моей личности, и не абы какие, а на букву «б». И в какой-то момент начал бекать, бэ- бе, слово подыскивать. Я ему лезвие к горлу приставила и говорю: «Сдается мне, парниша, ты хочешь оскорбить меня». Он вспотел от страха и блеет дальше, мол, обидеть и в мыслях не было, а слово это – безбашенная. Ну так бы и говорил, а то бэ- бэ. Он из автобуса выскочил и кричит, что я психически нездоровая. А я ему в ответ: тут вообще все мимо, ни одного слова на «б».

Ночь заглядывала во все окна, напоминая, что пора прощаться. Константин, покинул компанию подруг, на ходу отвечая на звонок телефона. Вернулся через минуту.

- Матушка звонила, ругалась.

- Чего ты натворил?

- А, там много статей. Раздолбай, не женюсь, внуков нет, в смысле детей.

- Достали уже этими внуками. Для чего нужны они?

- Чтобы продолжить род человеческий. А еще мама сказала, что мы с тобой два сапога пара и друг друга с толка сбиваем, а между тем, - парень назидательно указал пальцем на посмеивающуюся Дину, - нам обоим давно- о пора...

- Это тебе пора, тебе скоро тридцать, а мне еще рано.

- Это Ляке рано, а тебе в самый раз.

- Ляке рано, а мне поздно. И, вообще, отстань от старой девы.

- Я тут с мужчиной познакомилась, мы решили встречаться, - Лаура сказала это очень тихо, но друзья услышали.

- Ни черта себе, в тихом омуте- то, пока мы с тобой, Дина, друг на друга бочку катим, наша Ляка тихой сапой нас обставила.

- Ляка, умничка, ты молодец. Познакомишь нас, посмотрим, что за чел?

- У вас, уже, все было? – Константин хитро подмигнул зардевшейся девушке.

- Нет, конечно, - вместо нее ответила Дина, - это твои модельки прыгают тебе в постель на первом свидании, а у нее все будет как надо.

- Чего на первом, я же джентльмен. Раньше третьего свидания ни- ни. Ляка, три свидания у вас было?

- Было, - улыбнулась она.

- Ну, вот, положено, значит.

- Кем положено, кому невтерпеж?

- По закону так, Дин.

- По какому, кобелиному? - Подняв брови и смешно поджав губы, Дина выразительно посмотрела на Лауру, призывая её в союзники против нелепости, озвученной их другом.

- Кто тут кобель? - Константин, устрашающе сдвинув брови, поднялся и с грозным видом двинулся на девушек, те повскакивали с мест и смеясь, бросились бежать, - нашли кобеля, да я последний романтик с нежной душой, таких, как я, больше нет.

После смерти подруги Дина часто вспоминала этот свой двадцать пятый день рождения, сердце согревалось теплым светом, все было хорошо. Ляка влюбилась и вроде, выглядела безмятежной. А Дина пребывала в слепой уверенности: ее добрую, ласковую подружку впереди ждет сплошное счастье. Любящий отец, сестренка, бабушка. Богатый дом, роскошь во всем. Кстати, о богатстве. Ляка, милая Ляка, после короткого поздравления, легко и изящно протянула ей свой «скромный» подарок – платиновую карту с запредельной суммой на счету.

Оживляя в памяти этот эпизод, Дина ругала себя последними словами, просто дура дурой, стала истово отказываться, родственники смотрели на ее подругу как на умалишенную, а Константин выхватил кусочек пластика из рук Ляки и принялся рассматривать ее так пристально, будто до того дня не видел ничего подобного. Понятно было, что впечатлила его сумма на карте, а не сама карта. А она заплакала и сквозь рыдания гости еле разобрали:

- Это же, всего лишь, деньги, паршивые деньги.

Дина взяла карту, прокидывая в уме, кто из родни более других нуждается, успокоила подругу, слезам, вызванным отказом принять подарок, должного значения не придавала. Тем более, что позже они втроем на такси уехали во владения Дины, Ляка повеселела и рассказала о женихе.

Дина с нетерпением ждала знакомства с ним, непременно хотелось оценить его на предмет того, насколько он в силах осчастливить её добрую, и такую беззащитную подругу, а когда увидела, почувствовала душераздирающую боль. Почему в нашей жизни все шиворот- навыворот? Почему из всех мужчин на свете сердце выбрало того, кого любить нельзя.

Дина наивно решила, завяжет узлом свою любовь, никто не узнает, а Ляка будет с ним счастлива. Нет бы, внимательно посмотреть на подругу, расспросить ее... Куда уж там? Ее, ведь, волновали проблемы городского, да что там, бери выше, государственного масштаба. Мир спасала от нечисти. А рядом погибал близкий человек, маленькая девочка с огромной душой.

Семья

Почти точно помню момент, когда отец перестал радоваться жизни. Я закончила второй класс и перешла в третий. Алибек и Асылхан нарвались на толпу пьяных парней и погибли. Осудили только одного, он, как я поняла из бесконечных обсуждений замусоленных подробностей семейной трагедии, всю вину взял на себя.

Смерть обоих сыновей оказала на отца разрушительное действие. Мама свое горе выплакала, а папа замкнулся, не подпуская никого к себе. Даже бабушка поостереглась подступаться к сыну с разговорами по душам, а она не боялась ничего и никого. Это её все боялись. И я, в том числе.

Моя бабушка абсолютно не соответствовала эталону, установленному обществом с давних времен. Она курила, ругалась, а если злилась, то пользовалась жестко- нецензурной лексикой, нередко на украинском языке - его напевность восхищала её и успокаивала. Всем и каждому бросала в лицо то, что думает, размахивала, так сказать, правдой- маткой перед всей родней, чем доставляла неудобства и огорчения моей маме, особенно если в гостях присутствовали родственники с ее стороны. Ее и так нервировал тот факт, что свекровь отсидела в тюрьме три года. Я гордилась бабушкой и любила ее не меньше, а может, чуть больше, родителей - об этом красноречиво говорил тот факт, что я неосознанно переняла её лексикон и в минуты душевного волнения, вместо слова «что» из меня выскакивало украинское «шо».

Отец так и не принял смерти сыновей, устроил дебош на службе, от которой его незамедлительно освободили.

Года через четыре отец, вроде бы смирился и все облегченно вздохнули. Но оказалось, чувство вины перед детьми, вылилось в кошмарное последствие. Для меня. Так считали мама и бабушка. А мне все было предельно ясно: я чувствовала, папа любит меня сильнее, чем прежде. Все наше совместное время, каждый шаг и каждый вздох подчинились одной цели: подготовить меня к противостоянию с возможными врагами, читай, мужчинами. Ну, чтоб меня, ненароком, не запинали в пьяной драке.

Вся моя юность, вплоть до английского совершеннолетия, в свободное от учебы время, было заполнено тренировками до изнеможения, рукопашной борьбой, метанием ножей и

стрельбой по движущимся мишеням. Передышку на энное количество дней я получила, когда была изолирована от мира больничными стенами. В мой двадцать первый день рождения папа поздравил меня и устало объявил:

- Больше никаких тренировок!

- Все, я готова к самообороне?

- Нет, но с некоторых пор, я стал верить в судьбу, а ее не обманешь. С этого дня учись готовить, шить и что там должна уметь каждая девушка.

- Это еще зачем?

- Затем, что это твоя жизнь и ты сама выбираешь, что тебе делать. Может, захочешь замуж выйти, как все.

- Я не хочу, как все. Папа, ты ставил мне удар, чтобы разнести мужу челюсть, если он меня обидит. Поэтому, я давно уже решила, замужество не для меня.

Папа, толкающий меня на брак с тем, кого считал угрозой моей безопасности, пугал больше папы, страдающего паранойей. И я догадываюсь, откуда ветер дует.

Мама, смутно осознавая, что муж сотворил для дочери образ врага- мужчины, развернула кампанию по сводничеству. К этому благому делу активно подключились ее подруги- свахи. Что ни суббота, в дом к нам, как бы невзначай, заявлялась очередная мамаша со своим чадом мужского пола. И после каждой субботней посиделки, мама устраивала жесткий «разбор полетов». Так могло продолжаться долго, но однажды свое веское слово сказали папа и бабушка.

- Зачем ей муж, попадется какой-нибудь придурок, испортит ей жизнь?

- Не переживай, никто ее замуж не возьмет, дерзит, готовить не умеет, наследственность криминальная, - мама метнула взгляд - молнию на свекровь, - в тюремной камере она уже сидела, три раза в полицию забирали, шикарное приданое. Что дальше, даже подумать боюсь?

- Сомневаюсь, что наша стрекоза доживет до тридцати, - пророчествовала бабушка.

- Это все твоё воспитание, кого ты из нее вырастил, универсального солдата? Это же не девушка на выданье, а наемник- убийца, скоро на нее заказы посыплются!

Как же иногда прозорливо материнское сердце, особенно в гневе!

- Зато на кусок хлеба всегда заработает, - по- своему заступилась за сына бабушка.

Визиты женихов прекратились. Подозреваю, маму сильно озадачили прогнозы моего будущего, особенно ей не понравился вариант, озвученный свекровью. По всей видимости, все последовавшие за этим дни рождения воспринимались моей мамой как приближающие чёрную дату и после моего двадцативосьмилетия, она время от времени стала повторять, как мантру:

- Главное, пусть живет, пусть у нас на глазах будет, все остальное неважно!

Глава 3 Завод

На стыке ночи и дня рождается особое пространство: с неба опускается серо- сизая пелена, воздух наполняется тихим серебряным звоном тишины и чистоты, очертания причудливы и навевают мысли о нереальности происходящего. А когда день заявляет о себе в полный голос, прелесть раннего утра растворяется в скрежете, дыме и суете.

Служебная необходимость отправиться в маленький город с проверкой финансового состояния тамошнего завода превратило очарование одного такого утра в смятый бумажный клочок, что лежал возле урны, на остановке, где группа, молодых и не очень, аудиторов, с хмурыми лицами расхаживала в нетерпении долгого ожидания.

Подъехал автобус, парни, галантно пропустив женщин- коллег, один за другим исчезали внутри, последним на ступеньки огромного «МАН» заскочил Нуртай, створки двери за ним захлопнулись, вызвав на его лице смешливую гримасу и судорожный вскрик: «хвост обрубили!».

Никто, впрочем, даже не улыбнулся, расселись кто куда, благо в автобусе имелось много свободных мест, это в обратном направлении автобус шел переполненным. Аим и Дарига Муратовна сели рядом, мужская половина коллектива уткнулась в хвостовую часть автобуса, а Дина расположилась на одиночном сиденье и раскрыла ноутбук. Её работа всегда начиналась задолго до начала проверки, собственно приезд на объект был уже формальностью. Неясными оставались, лишь, некоторые детали.

- Нуртай, Сергей, не помню ваши отчества, выясните у местных фактическую зарплату, на квитках, а еще лучше, суммы на картах.

- Слушаемся, босс, - хором ответили они.

Дина удовлетворенно кивнула и взяла в руки смартфон, нужно было обеспечить присутствие директора завода и главного бухгалтера. Боковым зрением уловила чью-то тень, подняла взгляд, рядом стоял мужчина. Он протянул телефон, коротко буркнув:

- Вот, зарплата, смотри.

Дина молча сфотографировала, кивнула, он отошел и услышал вопрос.

- А на квитках такие же цифры?

- Квитки мы в глаза не видели.

Через час по улицам городка поползла новость: с Караганды приехала комиссия с проверкой. Жители ждали чуда: впервые, на их памяти, проверяющие прикатили не на дорогих машинах, а на обычном рейсовом автобусе!

А еще через полчаса актовый зал завода был до отказа забит людьми – два хилых охранника не смогли удержать толпу желающих узнать, есть ли справедливость на свете.

Аудит завода проходил в отсутствии одного заинтересованного лица – главного бухгалтера. Дина копалась в виртуальных недрах ноутбука, лавируя в море цифр, ее команда переносила на бумагу необходимую финансовую информацию. Проще говоря, распечатывала документы и приносила их ей, а она поставила печать и подпись.

- Ну что ж, аудит, можно считать, мы завершили. Где же ваш бухгалтер? – Дина, чуть, повернула голову к мужчине, нервно «ломающим» свои пальцы.

- С- сейчас она придет.

- Она???

- Это его мать, - разлетелся по залу чей-то выкрик.

- Да? – Дина приподняла бровь, - значит, семейный подряд или семейный разбой?

В коридоре послышался шум и в широком проеме двустворчатых дверей застыла женщина, завернутая в огромный кокон - платье чёрного цвета. Тяжелой походкой двинулась она к столу, за которым сидела Дина. Скрипели давно не крашенные половицы, пружинили ступеньки, поднимая ее на «сцену», где расположились проверяющие.

- Ты кто такая? – выплонула она, сузив глаза на мясистом лице и колыхнув вторым подбородком.

- О, мадам, надо знать, если не в лицо, то хотя бы по фамилии тех, кто может вас уволить.

Без сомнения, женщина в черном умела держать себя в руках! Все так же пылая гневом, она абсолютно спокойным тоном, с легкой укоризной в голосе, уверенно произнесла:

- Не надо рубить с плеча, в конце концов, я как главный бухгалтер завода, имею право знать, что тут происходит и почему вы меня не уведомили о предстоящей проверке, когда звонили.

- Вы не дали мне слова сказать. И потом... лгать не надо по телефону, хамить не надо по телефону!

- У нас все хорошо!

- У вас лично и у вашего сына все плохо. Ваши счета заблокированы, я передаю материалы в финансовую полицию. В течение пяти с лишним лет вы дружной семейкой украли у государства миллионы. И ладно бы у государства, вы ограбили простых рабочих, на бумаге

начисляя им одну зарплату, а фактически выплачивая в три раза меньше. Разницу клали себе в карман.

- Милая моя! Ты не понимаешь, куда влезла. Знала бы ты, с какими людьми я делюсь.

- Дорогая моя, - в тон ей ответила Дина, - они вам не помогут. И свое, кстати, тоже получают.

- Максимум, что ты им сделаешь, нервы потреплешь.

- Хотите знать, какое прозвище дали мне мои коллеги? Вон они, хихикают, думают, я не знаю.

- И какую?

- Поэтапу. Да- да, я часто повторяю это при работе с клиентами. И это не угроза. Это суровая реальность, если вы не выполните моих предписаний, вы уйдете по этапу. Ваш сын взял всю вину на себя, но мы ведь знаем, кто играет первую скрипку в вашем дуэте.

Женщина шумно дышала, переваривая услышанное.

- Что я должна сделать?

- Вернуть все деньги. Если вас посадить, рабочие будут в проигрыше. А на ваше место сядет другой вор. Поэтому, сегодня поскребите по сусекам и перечислите на счета работников завода все деньги, что вы не доплатили за пять лет. Все!

В зале воцарилась тишина, все как один затаили дыхание, не веря ушам своим. Та, ответа которой ждал весь коллектив, вперила немигающий взгляд в Дину, словно желая испепелить ее.

- Хорошо. Считайте, что я это сделала, - шевельнула помертвевшими губами, - что дальше?

- Дальше, я выписываю вам штраф на крупную сумму и накладываю арест на ваше движимое и недвижимое имущество, а вы и директор завода пишете заявление по собственному желанию.

- А что взамен?

- А взамен, я снимаю арест и квартира, в которой вы живете, остается за вами, как и дом семьи вашего сына. И личный транспорт, разумеется. Неплохой старт для новой жизни.

- То есть вы меня разорите?

- Это цена свободы. Другой вариант еще хуже. Ни денег, ни недвижимости, да еще в тюрьме. Поймите, у меня нет цели засадить вас за решетку. Я хочу, чтобы людям вернули их заработанные деньги. Все зависит от того, какой материал и в какой формулировке я пошлю в карающий орган.

- А можно туда ничего не посылать?

- Можно. Если они, - она кивнула в зал, - будут довольны суммой, которую вы им вернете. Премии и бонусы приветствуются.

- А если, я все- таки позвоню нужным людям, а?

- Знаете, почему мое начальство направило именно меня, - устало вздохнула Дина, - потому что я отлично, а временами и блестяще, знаю свое дело. Прежде, чем приехать сюда, я провела расследование, вычислила всех, прикормленных вами чинуш и образно говоря, расставила для них финансовые капканы. У них, в отличии от вас, шанса уйти от правосудия нет. Так что, деньги на бочку или по этапу?

В самые первые минуты работы аудиторов один из представителей заводского управления вежливо осведомился у Дины:

- Что-нибудь желаете, может принести чего-нибудь?

- Противогаз, если можно, - с серьезной миной ответила девушка, - или, как крайний вариант, пусть из зала выйдут курильщики, те, у кого благоухает обувь и носки и все, кто с утра налил на себя полведра духов.

Никто всерьез не воспринял услышанное, представитель незаметно усмехнулся и отошел, всем своим видом делегируя окружающим: шутить изволят, капризничают, а я хотел помочь. Но когда на гаджеты всех мастей стали поступать сообщения о денежных переводах, часть заводчан, смущаясь и тихо извиняясь, покинула зал. Это было то малое, чем жители городка могли выразить свою благодарность привередливому и в то же время, неподкупному человеку, на совесть выполняющему свою работу!

Позже, Дина и ее команда всей гурьбой направились к заводской столовой. Коллеги Дины расселись группками, сама же она, проигнорировав предложенный поднос, купила и выпила йогурт за столом в некотором отдалении от общества и теперь, в одиночестве тянула воду из граненого стакана. Ее, и без того относительное уединение было грубо нарушено появлением молодого сотрудника. И не подумав спросить разрешения, Жандос молча разложил тарелки и принялся методично поглощать их содержимое.

- Тебе помочь найти свободный столик? – Дина брезгливо наблюдала, как капли рассольника падают на стол. – Или салфетки принести?

- А ты поэтому не ешь, салфеток нет? – Жандос ни на секунду не отвлекся от обеда. – Ах, да, ты ж у нас ханских кровей.

- Нет, я, как раз, уверена, мои предки пасли байских лошадей.

- А я точно знаю, у моего прапрадеда сундуки были набиты золотом.

- Так вот, почему ты меня бесишь, у меня к тебе неприязнь - классовая.

- А я все гадал, чего ты со стаканом не растаешь. Оказывается, простолюдинам позволительно употреблять на работе, ведь, в стакане водка? Может, за бутылочкой сгонять?

- Ну что вы, разве можно предлагать даме водку? Это чистый спирт.

- Ух, ты, плохо дело.

- Плохо дело, что вокруг никто классики не знает.

- А, так это из фильма?

- Это из романа. Захочешь узнать из какого, поинтересуйся у родителей. Они должны знать.

- Не пойму, Дина Габитовна, за что ты меня не любишь?

- Да шо ты такое говоришь? Я обязана? – Дина выгнула бровь, затем поднялась и громко объявила. – Шо сидим? Возвращаемся, все за работу!

Коллеги бросали на Жандоса сердитые взгляды, Нуртай задел его плечом и процедил, выражая недовольство от имени коллектива:

- Ты зачем Поэтапу до «шокового» состояния довел? Теперь она с нас не слезет.

Вечером, возвращаясь тем же автобусом в город, Дина чувствовала навалившуюся усталость и прикрыла глаза. Перед внутренним взором, как в калейдоскопе кружились лица, цифры и буквы. Из полудремы вынесло чье-то прикосновение. Рядом стояла, слегка наклонившись, Аим.

- Дина Габитовна, вы меня извините... ко мне подошел один мужчина, с завода он, спросил, почему вы воду все время пьете? Я ему объяснила. И он спросил ваш адрес, они хотят изготовить для вас именной фужер, удобный и прочный. Я адреса не знаю, дала ваш телефон. Нельзя было?

- Нельзя. Я ж говорила, никаких личных данных посторонним людям. Ты же знаешь, сколько раз меня пытались убить.

- Но они же просто хотят вас отблагодарить. Вы такое для них сделали.

- Я сделала, что должна была. За это мне зарплату платят. Ладно, пусть присылают.

Глава 4 Константин. Женихи и невесты

Сегодня мы собираемся у Динки. Ляка приведет своего парнишку сорок плюс, а я приду с Лолой. Мамуля моя в претензии, почему, мол, с Диной познакомишь, а со мной – нет. А я и сам не знаю, зачем мне так нужно одобрение Дины. Почему я так упрямо жду, когда она оценит мой выбор. По- настоящему. А не ее этот «интеллигентный» лепет, типа, хорошая девушка, красивая...

Но я- то вижу, что у нее зубы сводит от того, что вылетает изо рта моей куколки. Ну да, прежние мои девочки умом не блистали, но Лола закончила университет с красным дипломом, над моими шутками смеется искренне, короче, с ней не стыдно показаться в обществе.

Думаю, Дине она понравится. Очень хочется продолжить общение с Лолой. Не подумайте, что Дина запрещает мне встречаться с теми, кто ей не нравится. Просто меня не покидает мысль, что есть у нее «чуйка» на ту, с кем я буду счастлив.

Мы собрались за столом, наступила та неловкая пауза после знакомства, когда не знаешь, с чего начать общение. Услышав, как во дворе с лаем рвется с цепи Мальчик, хозяйка умчалась выяснять, в чем дело.

Ляка стала что- то тихим голосом объяснять своему бойфренду- я про себя назвал его Хамитыч и приготовился к назойливым расспросам от Лолы. Мол, она же казашка, какая она тебе сестра и т. п. До нее все спрашивали – осечки не было ни разу – Лола, лишь, слабо улыбнулась на мой вопрошающий взгляд. Я посчитал это хорошим знаком.

Дина вернулась, дальше все пошло как по маслу. Хамитыч – нормальный, вроде, мужик – травил байки, каких нахватался, будучи в Одессе. Я тоже был в ударе. Все ржали как подорванные. Неплохо посидели.

Потом все разбрелись, Ляка увела мою подружку в зал, Дина вышла на веранду, я за ней.

- Ну что, - говорю – как тебе Лола?

- Знаешь, Константин, мне она понравилась, красивая, умная, я бы сказала, шикарная.

Эти бы слова, да сказанные другим тоном.

- Продолжай. Я так понимаю, есть одно «но».

- Да, есть. Она тебя не любит.

- О, это что-то новенькое.

- Да, но это полбеды. Ты ей настолько не нужен, что она может втравить тебя в историю. Просто так, походя.

- Дин, тебе не угодишь. То они глупые, как пробки, то слишком умные.

- Лола не просто умна, она амбициозна, она на низком старте, приготовилась к взлету. Но не с тобой. Ей нужен папик, дойная корова. А что ты можешь ей предложить, кроме молодости и сомнительных перспектив. И я не хочу, чтобы ты страдал, когда она тебя бросит. Пойми, ты для нее запасной аэродром. Брось ее первым.

- Нет- нет, в этот раз все по- другому. Я чувствую, это моё.

- Говорю тебе, она выжмет тебя как тряпку и выкинет.

- А я говорю тебе, Ванга, ты ошибаешься.

- И когда это я ошибалась, напомни.

- Ни разу, - поморщился Константин.

- Делай, как знаешь. Ты предупредил ее, что тебя зовут Константин и никак иначе.

- Еще нет.

Дина вернулась в дом, а я вышел покурить. И в темноте увидел красный огонек зажжённой сигареты. Хамитыч, когда успел проскочить? Имя его не запомнил, а по отчеству невежливо как- то, не настолько мы знакомы, поэтому начал сразу, без обращения.

- Подслушиваем?

- Скорее, заслушался. Когда Лаура сказала, что у ее подруги есть русский брат, я думал, вы устроили спектакль перед наивной девушкой. Теперь вижу, она переживает за тебя, как за родного.

- И я за нее порву любого.
- А Дина знакомит тебя с мужчинами?
- У нее нет парней.
- Потому что ты не одобрил?

В темени было не разглядеть, но я просто учуял, как Хамитыч ухмыльнулся.

- Знаешь, я тебе так скажу, почему у Дины никого нет, я в это не лезу. Но когда, она предъявит мне кого-нибудь, поверь, я смогу отличить мудака от мужика.

- Понял. А я, по-твоему, кто?

Что-то в его голосе мне не понравилось.

- Имей в виду, Ляка мне тоже как сестренка. Если обидишь ее или задумал замутить с обеими, то...

- Остынь, парень. Лауру я сам никому в обиду не дам. У меня самого две дочки. Но не верю я парню, который, якобы, дружит с девушкой.

- Правильно делаешь. Я Дине не друг, а брат. И еще тебе, информация к размышлению, Динин батя, в прошлом, снайпер, а снайпер бывшим не бывает, ты знаешь. А теперь, когда мы расставили все точки над ё, давай снова знакомиться.

Он затушил бычок и первым протянул руку.

- Айдар.
- А я Бортовой. Ко...
- Я знаю, Константин и никак иначе.

И это слышал, вот жук.

Застолье продолжилось.

- А скажи- ка нам, друг, ты женат раньше был? – Перешел на личное я.

- Был. Развелся.

- Почему?

- Не знаю.

- А я догадываюсь, в чем дело было, - улыбнулась Дина.

- Точно, Айдар Хамитыч, может ты в постели не блистал, а?

- Да вы что, молодежь?

- Константин, угомонись. Я имею в виду, возможно, жену вы не любили, и она это чувствовала.

- Вот- вот и я о том, плохо ты жену любил, - продолжал «нарываться» я.

- Слушай, Костя, - увидев, как мы с Диной недоуменно переглянулись, тут же поправил себя, - Константин, ты сейчас договоришься...

- Все- все, старик.

- Жену я не любил, и она меня тоже. Мы решили не обманывать и не мучить друг друга.

- Не расстраивайтесь, Айдар Хамитович, не каждый может так смело в этом признаться.

А Константину вас не понять, он девушек меняет чаще, чем носки.

Динке обязательно надо уколоть Лолу!

- Неправда, носки я часто меняю, ну, чаще, чем девушек.

И чтобы сменить тему, задал давно мучивший меня вопрос.

- Скажите- ка мне, господа казахи, почему мусульманам нельзя есть свинину?

- Так принято и все, - последовал незамысловатый ответ Хамитыча.

- Свинья не относится к Божьим созданиям, - предложила свое видение запрета Ляка.

- Когда Всевышний увидел, что часть людей ведет далеко неправедный образ жизни, он превратил грешников в свиней. И на этом основании пророк Мухаммед ввел строгое предписание для правоверных отказаться от употребления свинины, являющейся, по сути своей, мясом человеческим!

У меня отвисла челюсть от такой мини- лекции, а Динка, даже не изменив выражения лица, стала потчевать гостей десертом. Девчонки захихикали над моим обалдевшим видом, а Хамитыч – конь педальный – прямо- таки заржал во всю глотку. Говорю же, неплохо посидели.

Хамитыч с Лякой уехали первыми. Я вызвал такси и по дороге мы с Лолой поделились впечатлениями.

- Как тебе сеструха моя?

Я специально не назвал её по имени.

- Вполне, вполне. Простовата, но очень мила.

Честно говоря, не это я ожидал услышать. Как- то уничижительно она это сказала.

- Ты ее еще не знаешь. Она не со всеми мила. Хребет у нее стальной, не у каждого мужика есть. Не обманет и не предаст. Со здоровьем у нее не все ладно, то ее жажда мучит, то, напротив, вода льется из нее, плакать начинает, на запахи реагирует. Мы с Лякой называем это сезонами: типа, сезон дождей, сезон засухи и сезон охоты.

Я говорю и вдруг понимаю, Лола где- то далеко, ей не интересна Дина, она не хочет о ней знать. Ей не интересен я.

- А какие у тебя планы на жизнь?

- У меня? – оживилась она. – Я так хочу уехать за границу, в Европу, вот там жизнь. Я, уже, была в Германии. Знаешь, вернулась сюда, полгода в себя приходила, будто в ад попала. Здесь же люди прозябают, как мыши копошатся в помойке. А там закон, чистота и порядок.

Она заливалась, но теперь, я ее не слушал...Неприятно, когда Родину помойкой называют. Неужели Дина права, я не вписываюсь в ее сказку? Последняя попытка.

- А со мной тогда чего, простым русским парнем?

- Ну что ты, Костя, не грусти. Это я так мечтаю. А ты лучший из тех, кого я встречала. С тобой мне хорошо и спокойно.

Да, действительно умна. Так что, прорвемся.

- Лола, у Дины есть такой пунктик. Она зовет меня полным именем и требует, чтобы все обращались ко мне так же. Будь добра, зови меня Константином.

- Как скажешь. Помню, как в нашу первую встречу ты очаровал меня своим именем.

Моей фишкой при знакомстве было небрежно улыбнуться и сказать свою коронную фразу: «Константин, значит, постоянный». Город в ночи подмигивал огнями и я, умиротворенный, обнял любимую за плечи.

Забегая вперед, скажу, мы встречались полгода, потом почувствовал какое- то охлаждение с ее стороны. Решил заехать к ней на съемную квартиру без предупреждения. Дверь открыл незнакомый мужик с филигранно подстриженной бородкой. Не из бедных, это видно по тому, как он держит себя.

Лола даже не пыталась оправдаться. Ей важнее было не потерять бородача. Это ему она что- то втирала насчет меня. Я, может быть, просто ушел бы, но тут она ядовито так усмехнулась и сказала:

- Костик, милый, не делай из этого трагедии, мы с тобой взяли друг от друга все возможное и закончим на этом.

- Костик у него в штанах, поняла, меня зовут Константин, заруби это на своем уродливом носу.

- Ах, да, этого же требует наша Дина, все уши прожужжал про нее. И она клушей вокруг тебя квохтала. Ты приглядишься к ней, с виду овечка, а нутро змеиное, улыбается, а взгляд тяжелый. Помнишь, деньги мне понадобились, а потом я тебе сказала, что не надо. Твоя сестрица пришла ко мне на работу, вынула из сумочки ножичек и стала угрожать, что разрисует мне физиономию, если я не оставлю в покое бедного мальчика. Я пересказываю как помню, она ругалась, как сапожник. Так что, катитесь оба, ты – нищесброд, а она – ссу...

Договорить я ей не дал, затащил лахудру в ванную и облил водой, визжала как свинья. Вышел, а ее дружка и след простыл.

Глава 5 Гаухар. Помочь нельзя, отказать

Кажется, звякнула калитка, папа пришел. Жолдаяк сразу забрежал, закашлял, будто немощный дед. Любимый пес папы. По семейной легенде, папа нашел его щенком на дороге со сломанной лапой. И его прозвище связано именно с этой историей.

Мой маленький, сладенький Адиль, наконец-то, уснул. В этот раз приступ был особенно сильным. Он плакал, бился от боли, а я... Ничем не могла помочь, сидела на полу, раскачивалась из стороны в сторону, не плакала, слез не было, просто выла в один голос с моим маленьким.

Другие мамы мечтают о будущем своих детей, рисуют его. Я не мечтаю и не рисую. У нас впереди темнота, беспросветная. Выхода нет. Почти. Один я нашла, но сама не смогу. Поэтому я позвала Дину в гости, на серьезный разговор.

Она поможет, должна помочь. Все-таки сестра. Наши отцы – родные братья. По меркам казахов мы не двоюродные, мы родные.

Она хорошая, работает финансовым ревизором, но не зазналась, в шутку называет себя бухгалтером. Вообще, я никогда не видела ее грустной.

Когда мама была жива, я слышала их разговор с папой. Родители говорили о нас. И мама сказала, что Дина как горная река, а я – лесное озеро. А папа сказал, что нам надо держаться вместе, чтобы Дина в тяжелых ситуациях помогала нашему, как он сказал, «драгоценному камню». Мое полное имя – Гаухартас.

Так что, если кто и поможет мне, то только Дина. Есть надежда, что выполнит она мою ужасную просьбу, ведь приняла мое приглашение, а она такая занятая, по гостям не ходит.

Дверь осторожно приоткрылась:

- Доча, ты отдыхаешь, Адилек спит?

- Да, спит, я сейчас выйду.

- В зале стол накрыт, ты кого-то ждешь?

- Да, пап, Дина сейчас придет.

- Надо же, Дина в кои-то веки оторвется от работы. Молодец, дочка, ей полезно будет отдохнуть, с родней посидеть. Я с вами пиалу чая выпью и пойду в гараж.

А внизу, на первом этаже, вовсю тренькал дверной звонок.

Папа расспросил Дину о том, о сем и ушел. Мы остались одни. Я хотела потянуть время, но сестру не проведешь.

- Давай, Гаука, говори, зачем позвала. Ты же знаешь, мое время на вес золота. А тебе нужна помощь, я по голосу поняла.

- Да, Дина, так и есть, но я боюсь тебе говорить.

- Адильке что-то нужно?

- Да, ему. Только ты не согласишься.

- Да ты что? Говори, что нужно, операция, лекарства, что?

- Н-не знаю, как тебе сказать.

- Говори, не стесняйся. Деньги? Любую сумму найду.

- Спасибо, платиновая карта твоей подружки нас до сих пор выручает. Дина, пойми меня, Адилек... он мучается, ему больно, он так плачет, ему так больно...

Странно, вот теперь, когда Адиль спит, а я просто рассказываю о его приступах, слезы текут, не останавливаясь, нос краснеет и распухает. Говорить тяжело, переживать каждодневный кошмар заново невыносимо. Тем более, что и Дина, наша «железная леди», ни слова не

говоря, прячет в ладонях рук заплаканное лицо. И я благодарна ей за это, мне, как будто, чуточку стало легче.

- Помнишь, когда тебе делали операцию, потом ты два дня отходила от наркоза и снова операция, твоим родителям было больнее, чем тебе. Я теперь их понимаю. Когда твоему ребенку плохо, а ты не можешь ничем помочь... Это не объяснить, это нужно пережить.

- Гаука, что я могу сделать, ты только скажи!

- Я скажу, но ты подумай, не отказывай мне.

Я замолчала, а потом, как в воду бросилась.

- Дина, помоги мне, моему мальчику, освободи его от этой боли, от страданий.

- Как???

- Твой папа научил тебя стрелять...

Я остановилась, не в силах продолжать, а Дина в ужасе замотала головой.

- Ты с ума сошла, ты о чем просишь? Чтобы я убила племянника?

- Издалека. У твоего папы, ведь, есть снайперская винтовка. Я сама не могу...

- А я могу??? Очнись, что ты говоришь. Должен быть другой выход. Обезболивающее, морфий.

- Рецепты мне не выписывают, говорят, не положено, у него же не онкология. Да если бы я и могла купить эти лекарства, он же уколов боится, врачей в халатах видит и кричит. Я спрашивала, сколько он проживет. Врачи говорят, физически он здоров, все дело в психосоматике, так что прожить может не меньше пятидесяти, понимаешь? Он будет мучиться всю жизнь... Помоги нам, ты взяла в дом немоего мальчишку, ты знаешь, каково это видеть мучения маленького человека.

Я вдруг поняла, что, если не согласится Дина, не согласится никто. Я опустилась на колени и поползла к Дине. Она тут же соскочила со стула, стала поднимать меня.

- Родная моя, сестренка, я знаю, как тебе тяжело, я что угодно сделаю для вас, но только не это. Пожалей меня, как я после этого жить буду? Давай вместе молиться, пусть Всевышний заберет его, тихо, во сне.

- Я молилась, Он не слышит.

- Ты представить себе не можешь, как Он мудр. Если не забирает сейчас, значит Адиль скоро выздоровеет и ты еще будешь рада, что я не пошла у тебя на поводу.

Я слушала ее и мне стало еще хуже, это были пустые слова, а я как одержимая хотела услышать другие. Я хотела, чтобы моя сестра здесь и сейчас поддержала меня, сказала да, я сделаю, как ты скажешь.

- Помоги, Дина, пожалуйста, - ни на что не надеясь, сказала я, - вижу, ты меня осуждаешь.

- Нет, родная, я знаю, ты так сильно любишь своего сына, что готова убить его, чтобы избавить от страданий. Это и есть настоящая материнская любовь, которая убивает! Я люблю тебя и Адильку, но ты просишь о невозможном. Надо ждать. Я никогда...

Проснулся Адиль, он плакал в своей комнате, слышались глухие стуки, как звук удара молотка по гвоздям на двери моей последней надежды, как набат - мой жеребеночек бился головой о стену - я застыла от боли, а голос Дины дрогнул..., и она закончила, не так уверенно, как начала.

- ... никогда не сделаю это.

Она ушла, и я видела, что ей плохо так же, как и мне. На ум пришла заезженная фраза: «Никогда не говори никогда».

Я пошла в комнату, к сыночку и повторяла как сумасшедшая:

- Ждать, я буду ждать, Дина, я буду ждать...

И я дождалась.

В пятницу все аудит- сообщество лихорадило от ошеломляющей новости: Мусин Жандос задержан за попытку ограбления банкомата. В каждом кабинете велось бурное обсуждение. И действительно, событие из ряда вон выходящее: толстяк и зануда, Жандос, просчитывающий каждый свой шаг наперед, находится в КПЗ - камере предварительного заключения.

Дина слушала безучастно и это никого не удивило, все, включая уборщиц и охранников, знали, что Мусина она на дух не выносила. Единственное, что привлекло внимание Дины, это режущие слух, заменители слова «тюрьма».

То с одного угла, то с другого несло сакраментальное: «наш жирдяй на кичу загремел», «Мусин красавчик, раз и в кутузку», «Жандос на нарах отдыхает». Некоторые пользовались совсем простенькими эвфемизмами, типа, «за решеткой», «в местах, не столь отдаленных».

Поразительно, как вьелось в наше сознание уголовное прошлое страны. И словечки, такие как: «беспредел», «опустить» так прочно вошли в нашу жизнь, что даже образованные люди употребляют их как нечто само собой разумеющееся.

Дина и сама себе не могла объяснить, чем неприятен ей этот Мусин. Скорей всего, дело было в его непомерной жадности, не вообще, а к деньгам. Он любил эти рифленые бумажки с водяными знаками. Услышав, что Мусин замешан в ограблении, Дина не удивилась, что еще ждать от скряги. И все- таки что-то царапнуло в потоке информации, какое-то несоответствие. Дина отвлеклась от работы и стала намеренно выуживать подробности из всеобщего гомона.

Через пару минут картина стала ясна: у Мусина есть больная дочь, болезнь вполне излечима, но за большие деньги и не в нашей стране. Денег у него нет, да и время работает против ребенка. Вот он и решился на отчаянный шаг. Неясен, лишь, один момент.

- Почему не взял кредит в банке? – Громко спросила Дина.

- Он и так в кредитах, дочке на лекарства.

А начальника отдела интересовало другое:

- В понедельник у нас важное мероприятие, он, что, не придет?

Многие улыбнулись: начальник чуткостью никогда не отличался. Нуртай, не раз уличенный в приятельских отношениях с арестантом, уязвленным тоном ответил.

- Придет, у него дядя родной – следак. Вытащит его, не сомневайтесь.

В понедельник случилось ЧП местного масштаба. Или, как брызгая слюной, кричал «самый главный бухгалтер города» - хищение денег в особо крупных размерах. В двух словах, кто-то на выходных опустошил Фонд при Комитете. На счетах этого Фонда хранились деньги – процент от конфискованного имущества. Кто-то украл печати, подделал подписи и отправил львиную долю накоплений на счёт клиники в далёком Израиле. Небольшая часть осела на одном личном, уже отечественном, счете.

Начальник рвал и метал, бегал, суетился, допрашивал, но так ничего не добился. Выдохся, сел на стул. Лишь один человек мог повернуть аферу, но, именно, он был вне подозрений. Как жена Цезаря.

Отчетная конференция еще не началась, как в самый просторный кабинет, используемый для такого рода мероприятий, ввалился взъерошенный Мусин. Никто и поздороваться не успел, как Дина его громко поприветствовала:

- О, явился, уголовник, гроза местных банкоматов. И, как оно, возле параша?

Мусин в долгу не остался, огрызнулся как злой пес:

- Попадешь туда, тварь, узнаешь!

- Так я там была, и не раз, брат по несчастью. Хочу обменяться впечатлениями.

- Знаешь, что я тебе скажу, Кайсарова, ты своей смертью не умрешь. За твое ядовитое жало ты сдохнешь, как собака. Тебя пристрелят или сожгут.

- Мусин, держите себя в руках!

- Ну что вы, он говорит, прям, как моя бабушка. А она, как показала жизнь, никогда не ошибается. А ты, хамло, слушай и внимай, если тебе придется просить у меня прощения, то так и быть – я сегодня в прекрасном настроении – можешь просто написать «извини» на бумаге и съесть ее.

- Ты, вообще, что ли поехала?

- Прекратите базар, начинаем!

Отчеты, отчеты, отчеты... Голова кругом от балансов и процентов и прочей экономической цифири.

Начальник, мужчина с благородной сединой на висках вышел из кабинета, через минуты две вернулся. Подошел к столу, за которым сидела Дина, весь бледный, губы трясутся, указательный палец пляшет прямо перед ее лицом.

- Ты, ты, как ты могла?

- Я, я. Смогла, потому что захотела.

- Причем тут Израиль, зачем ты туда деньги перегнала?

- На операцию и лечение маленькой девочки. Еврейские врачи в курсе, что деньги ворованные. Сказали, что забрать деньги у них будет затруднительно, даже МОССАДу. Они вчера еще – вот это сервис – выслали спецборт за ребенком и ее мамой. И поскольку время дорого, операцию обещали начать уже в воздухе.

Оцепенение от услышанного длилось недолго, Дина встала и подошла к начальнику, тот безжизненно засипел, ноги подкосились и он, вытянув две заскорузлые пятерни, пытался поймать ее взгляд.

- Ты спустила все деньги фонда? Отдай, тебе ничего за это не будет.

- Не отдам, встаньте, это просто бумажки, изобретение Сатаны и не надо ради них на колени падать. А если от этих поганых денег будет какой-то толк, и они спасут жизнь человеку, то я готова понести за это уголовную ответственность.

Мужчина встал, отряхнул с брюк невидимую пыль и убитым голосом произнес.

- Счета пустые, а я даже заявить на тебя не могу. Меня же камнями закидают, ты спасаешь ребенка, а я – подлый скупердяй. Только миллион- другой себе заначила.

- Не себе, а вот этому жмотику- бегемотику, - нисколько не обескураженная брошенным обвинением, Дина повернулась к Мусину, лицо которого некрасиво вытянулось и застыло в таком виде, - чего сидим, глазами хлопаем, пиши номер счета, куда перечислить. Имей в виду, это деньги на ребенка, не вздумай машину купить.

Разом началось какое-то движение, задвигались стулья, все заговорили, начальник присел в изнеможении, кто-то протягивал ему стакан с водой, Мусин забежал в поисках ручки, а потом опомнившись, прошагал к начальнику и вытянулся перед ним.

- Арман Тахирович, хочу официально заявить, это я украл эти деньги. Сажайте меня!

- Смотри- ка, а наш дядюшка Скрудж не такой уж пропащий. Bravo! – не удержалась от шпильки Дина Кайсарова. – Не лезь, я сама отвечу, не в первый раз.

Когда отчетное мероприятие худо- бедно закончилось и все потянулись к выходу, Мусин Жандос подошел к Дине, засопел, переступая с ноги на ногу, затем вынул из кармана листок бумаги и искоса зыркнув на нее, смял его и сунул в рот. Он сосредоточенно жевал, коллеги посмеиваясь, проходили мимо, а Дина, повесив сумочку на плечо, обошла его и не оборачиваясь, едко бросила:

- Извинения приняты. Не подавись!

- Пойдемте, чего стоим, человек обедает. Приятного аппетита, вкуснятина, наверно, - с такими шуточками сотрудники обтекали Жандоса с двух сторон.

- Какие вы злые, - обиженно затанула Аим, - у человека беда, ребенок умирает, ему помогли и он, за это благодарит. А мы знали и ничем не помогли.

- Мы не злые, просто конец месяца, у всего коллектива «эти дни», перед зарплатой.

Арман Тахирович сидел за столом в своем кабинете, уперевшись тягучим взглядом в стену напротив и размышлял, не пора ли ему на покой. Поводом для невеселых дум стал подслушанный разговор молодых подчинённых.

- Видали, наш Акела промахнулся!

- Лоханулся, - загоготал кто-то, - спекся, старикан. Поэтапу его на раз-два обставила.

- Да не говори, вот каким должен быть начальник. Хотя наш еще ого-го.

- Может раньше он и был... иго-го, а сейчас, как там суслики кричат?

Дальше Оспанов слушать не стал, в голове до сих пор звучит их мерзкий смех. Нет, вряд ли Кайсарова метит на его место, власть ее не интересует, но это звоночек, тревожный звоночек и неплохо бы предпринять кой-какие меры по устранению, без сомнения, сильного претендента на кресло в этом кабинете. Подстелить соломку, на всякий случай.

Глава 7 Лаура. ЖАЖДА ЗАБВЕНИЯ

Мое счастье длилось девять лет. Потом случилось страшное, непоправимое, то что не вернуть и не исправить. Болезнь можно вылечить, смерть близкого можно принять и смириться, а это...

Выхода нет. Нет, есть один, но в мою жизнь вошла Дина и я малодушно решила пожить еще немного. Мне казалось, она сможет сделать так, чтобы я не задыхалась. Надо только всё ей рассказать. Но разве возможно такое вываливать на человека, эту грязную тайну. А если она не поверит мне? А если никто не поверит?

Что же делать? И умереть нельзя, и жить невозможно. А эта стыдная тайна как опухоль растет во мне, разъедает меня изнутри как ржа. И что мне остается, только плакать, когда никто не видит. А Дина заметила. С меня ничего не вытянула, как ни пыталась, маме моей рассказала. И в нашей семье на несчастного человека стало больше. Теперь к моей боли добавились страдания мамы. Думаю ей было хуже, чем мне: её дочь не хотела жить, а в чем причина, не говорила.

Перебирая в памяти те дни, я прихожу к одному неутешительному выводу, который делает моё существование ещё более невыносимым: если бы не я, моя мама была бы жива. Она умерла через пять дней, после того, как узнала о моих беспричинных слезах.

В тот день она громко кричала на папу, он тоже в ответ, что было удивительно: никогда не видела папу в гневе. Я надела наушники, слушать их взаимные обвинения было выше моих сил. А после они вышли во двор и продолжили ругаться там. Я легла спать, а утром папа сказал мне, что мама дома не ночевала и он пойдёт её искать. Нашел её быстро, уже мёртвую.

На тот момент я была подростком, но как ни странно, мамина смерть ничего не изменила в моей жизни. Душа моя, наполовину омертвелая, никак не отозвалась. Мне было до того плохо, что хуже уже и быть не могло. Тетушки на похоронах шептались, дочка, мол, какая чёрствая, ни слезинки не уронила.

В тоске беспросветной ползло время, как жук огромный, неповоротливый взбирается на песчаную горочку, и прибавило -таки к моим годам ещё пяток. Я поступила на первый курс факультета геологии. Студенческая жизнь закрутила, завертела: новые знакомства, лекции, семинары, коллоквиумы, зачеты, сессии и, конечно, любовь, как правило, несчастная, а, чаще всего, флирт, тупой и неуместный.

Любой университет становится эпицентром чувств, волнений, страданий, слез, радости, надежд и предательств, куда волнами прибывает потоки молодых людей; он - средоточие юношей и девушек, взявших от своих родителей всё самое лучшее и... продолжающих брать снова и снова. Ха-ха...

Не обделили парни вниманием и меня, их пылкие взгляды и умные речи обещали волшебство и сказку и дарили робкую надежду, что счастье, все-таки возможно. И от понимания иллюзорности, хрупкости этих надежд на душе становилось зябко.

С Диной я познакомилась в её «сезон дождей» и от нереального сочетания ручейков слез, которые она, к тому же, иногда и не утирала и они свободно стекали по лицу, и её лучистого, бьющего весельем, взгляда, становилось не по себе. Будучи подростком, я нашла этому прямое объяснение: плачет, значит ей больно отчего-то, а изображает радость, чтобы скрыть свое горе. То есть делает ровно то, что пытаюсь делать я, и у меня не получается, среди родни я прослыла букой. Некоторое время я, в попытках скопировать поведение обрётённой подруги, ходила с глупой гримасой на лице, призванной убедить окружение, что это есть улыбка и мне весело. Это усилило обеспокоенность родителей, да и хуже мне стало от этого притворства, жить стало больней и невыносимей. Так я только углубила свой душевный диссонанс.

Когда папа слышит от меня «заумные словечки», он морщится и выговаривает мне, мол, проще надо быть и удивляется, «где ты их нахваталась». Как это где, в книгах, конечно, в единственной отдушине моей жизни. Чтение романов справедливо называют способом бегства от реальности. Ах, если бы от этой реальности можно было убежать и не вернуться, остаться в вымышленном мире, где героев ждет, если и не хеппи-энд, то надежда на что-то лучшее в будущем, уж точно. А если в романе «жесть» - а таковой является, по сути, вся мировая классика - то тебе становится чуточку легче: твоя беда не самая горькая, есть те, кому и похуже, у кого в жизни полный бедлам, если помнить о том, что все истории берутся из жизни.

Я отвлеклась. А думать хочется о другом... Айдар, мой новый знакомый, а теперь и, наверно, жених - не уверена, что могу его так называть, мы и не целовались еще. Как же я решила на отношения, и сама не пойму. Меня подкупили, наверно, его глаза, невероятно тёплые, нежные, даже, жалостливые. Да, именно это, я почувствовала в первую нашу встречу - он меня жалел. И жалость его не была снисходительной, она была какой-то отеческой. Хотя, может, я напридумала себе.

У моего любимого писателя, Стефана Цвейга, есть роман, называется «Нетерпение сердца» и там хорошо описаны два вида жалости, свойственные людям. В романе главный герой, лейтенант, испытывает к девушке-калеке, дочери богача, то самое нетерпение сердца, когда видишь, например, немощного, безногого человека, кидаешь ему копейки и торопишься пройти мимо, да побыстрее, не видеть этого, лучше смотреть на что-то приятное глазу. Хочется избавиться от непонятного жжения в сердце, от того самого нетерпения. И да, этот Тони, позже поймет, что любит её и жалеет по-настоящему и пошлёт ей телеграмму, но будет поздно, выбросится девушка с балкона. И он, гонимый чувством вины, станет искать смерть на войне, дослужится до полковника.

Так вот, мнилось мне, что Айдар любит меня, как тот лейтенант любил калеку, истинной, от сердца идущей жалостью. Нет ничего сильнее любви-жалости!

Странная штука, жизнь человеческая, не разгадать никому, на каких законах она зиждется, какими рычагами движима. Думаю, над каждым человеком висит рок, беспристрастный и неумолимый в своей жестокости; он как невидимый джинн с молотком в руке бьёт по голове всякий раз, как только его подопечный возомнит, что счастлив. Он следит за соблюдением порядка мироздания. А иначе как объяснить то, что стоило мне выдохнуть и поверить в немыслимое - меня любят, кошмар закончился, начинается светлая полоса моей жизни - как случилась та ночь.

Айдар просто обнял меня и не было в том объятии желания близости, а меня будто бросило в омут жутких воспоминаний, затрясло от мерзости прикосновения мужских рук... других - из моих ночных кошмаров - жадных, потных и липких. В чувства меня привёл тот ужас, что отразился на лице единственного и любимого. Я плакала, а он, сидя поодаль от меня, утешал

словами, совсем не теми, что желало моё сердце. И, сам того не ведая, «добил» нелепым объяснением: он-де любит меня, но не как мужчина, а как родного человека и клянётся оберегать меня всю жизнь.

Пришлось смириться и с этим. Нельзя, нельзя было расслабляться и надеяться, что беды позади. Надежда - худшее из чувств, дарованных человеку. Разочарование от неоправданной надежды толкает человека пойти против Бога в себе. Надежда двулика, может спасти, а может и погубить. Меня, вот, погубила, растянула мою боль на десять с лишним лет.

Но не всё так плохо, сжалился надо мной джинн, пообещал, что так просимое мной сладостное забвение не за горами; ещё немного и ждёт меня отдохновение, награда за земные страдания.

Как я об этом узнала? Мне приснился вещий сон. Мы идём с Диной по степи. Вдруг земля разверзлась под ногами, я оказалась на дне глубокой ямы, а Дина наверху, бежит по краю её и тянет мне зелёную ветвь. Она кричит, зовёт, а я точно знаю, мне нельзя наверх, там плохо, мне - туда, под толстый слой земли, там моё спасение.

Ещё одна надежда, бессмысленная надежда, как же я тебя ненавижу, прошу: не обмани меня!

Глава 8 Криминальный авторитет

Они стояли у края заминированной полосы земли. А начиналось все довольно обыденно: за несколько часов до...

Дина покидала место работы, раздираемая противоречивыми чувствами: с одной стороны испытывала гнетущее чувство бессилия, потому что по своей дурацкой, как она считала, привычке, в решении любой проблемы идти до конца, додумалась до того, что помочь детям она не в силах, а с другой, с высоты своего, пусть небольшого, жизненного опыта, чувствовала некое моральное удовлетворение от осмысленности своей жизни, хоть и с примесью горечи. А горько оттого, что слишком мала была та толика, что вносила она в доказательство теории Бога, согласно которой дети Его небезнадежны.

Шла и не знала, злиться ей или радоваться, а рядом нарисовался паренек, младший сотрудник, из тех, кого не замечают.

- Здравствуйте, Дина Габитовна.

- Привет, Адик, не знаю твоего полного имени.

- Никто не знает.

- Ты об этом хочешь поговорить?

- Нет, что вы, не хочу, вернее, хочу поговорить, но о другом.

Дина не отвечала и ему пришлось продолжить.

- Я позорю своего отца, - молодой человек произнес фразу слишком ровным тоном, чтобы заподозрить в ней трагическую подоплеку.

- А кто твой отец?

- Криминальный авторитет.

- Адик, запомни: нельзя ставить рядом слова «авторитет» и «криминальный». Он не авторитет, он уголовник.

- Да-а, он сидел, один раз, так, среди бывших заключенных он и есть авторитет.

- Вот пусть они его так и называют. Не надо в приличное общество тащить этот воровской сленг. Это все журналисты. Ляпают всякую чушь, для красного словца, в своих желтых газетенках, а мы все, не задумываясь, как попугаи, повторяем за ними. Поэтому не надо!

- Что не надо?

- Не надо романтизировать бандитов – с этим отлично справляется кино. Называйте вещи своими именами, убийца, а не благозвучный английский вариант, не олигархи, магнаты и воротилы, а воры и грабители, и далее по списку.

- Я же должен уважать своего отца.

- Ничего ты этому бандиту не должен. Что-то мне подсказывает, он не рискнул дать тебе свою фамилию. Не оглядывайся на него, живи своим умом, делай, что хочешь, что можешь, что тебе нравится.

- Я не хочу жить.

- Ну вот, опять. Ты не хочешь жить, как ты живешь, живи по-другому.

- Я не так выразился, я хочу умереть.

- Так умри. Обдумай все и действуй.

- Я обдумал. Я знаю одно место, там военные из части поле заминировали. Вчера должны были разминировать, но ответственный за это, прапорщик Сидорчук ушел в запой. Мины до сих пор там.

- О-о, какая будет эпическая смерть!

- Одному стремно, пойдете со мной?

- Да ты коварный человек, сам умираешь и другого за собой тянешь.

- Вы просто стойте и смотрите, а я...

- Пошли, проверим, насколько ты фартовый.

На вспаханной земле еще не выросла трава, даже сорная, печальное зрелище голой земли не спасли бы и цветы.

- Ты точно знаешь, что ее не разминировали?

- Точно. Мой двоюродный дядя ранил своего друга, когда узнал, что он спит с его женой. В общем, один сапер в больнице, другой в полиции.

- Значит, Адик, ты гарантируешь, что если я пойду вперед, то взлечу на воздух и от меня мокрого места не останется.

- Почему, что-то останется, кости, мозги разлетятся. Как в американском кино.

- Отлично, наконец-то заткнутся те, кто говорят, что у меня нет мозгов.

- А кто так говорит?

- Тебе фамилии назвать? Что, камикадзе, нас не догонят?

- Круто, полетаем? Вы со мной, что ли?

- Ты сказал, одному умирать страшно.

- А все-таки почему?

- Если твоя причина умереть достаточно серьезная, то я помогу тебе уйти. А если ты дурыю маешься, то мы оба останемся жить. Тебе решать.

- У меня железная причина. Я никому ничего плохого не сделал, но меня всегда все унижают. В школе дразнили чмошником. Девушки меня презирают, будто я больной. За что? Мама меня, конечно, жалеет, но я же вижу, она, тоже считает меня неудачником. Друзей у меня нет. Вы единственная, кто разговаривает со мной как с человеком. Но это все мелочи, по сравнению с тем, что вчера мой отец меня ударил... по лицу. А самое главное, дальше только хуже. Ничего не изменится.

- Все так плохо? Тогда, заседание клуба самоубийц считается закрытым. Погнали!

Они, не сговариваясь, взяли за руки и...

- А знаешь, что скажут люди, когда узнают о твоей смерти?

- Что?

- Как был при жизни терпилой, так и сдох!

- Я ничего не понимаю, что мне делать?

- Ты у меня спрашиваешь? Это твоя жизнь, проблемы надо решать в этой жизни, а не бежать от них на тот свет! Хочешь доказать всем, что ты слабак, иди туда, и у тебя не будет ни одного шанса сделать счастливой свою мать, своей смертью ты принесешь ей горе!

- Но мне так тяжело...

- Что поделаться, Адик, жизнь тяжела, но она того стоит. Да и не нужно огород городить, определись, кто ты, поставь цель и иди к ней. Тогда и все остальные почувствуют твою силу.

Дина говорила все тише, при этом ни в голосе, ни во взгляде, который она кинула на усевшегося на траву, парня, не было ни капли жалости. Это его и подкупило, и он тускло пробормотал:

- Что именно я должен делать?

- А вот это уже перебор, не много ли ты хочешь, мальчик мой? Если бы я знала... Могу лишь дать совет: уезжай туда, где тебя никто не знает, пусть все, кто считает тебя неудачником, забудут о тебе. Добейся чего-нибудь и возвращайся.

Молодая женщина, напевая, направилась к дороге, Адик побрел следом, не переставая бубнить:

- Я не трус, я не виноват, что такой. Я таким родился...

- Значит, твой отец трус, - резко оборвав песню, припечатала Дина, - законы генетики – этой продажной девки империализма – никто не отменял!

- Трусость не передается по наследству.

- Зато передается слабость духа.

- Отец сильный.

- Тем больше шансов на успех. Чего переживать? Дерзай, не скули и не жалуйся первым встречным, рискуешь дорого за это заплатить. И в первую очередь перестань жалеть себя, перекинь эту энергию на план мечты. И забудь дорогу к этому проклятому полю!

Глава 9 Яма

Это были обычные выходные. Ляка попросила меня прогуляться с ней за город, помочь с замерами, да и вообще, поболтать о том, о сем. Если бы я знала, чем закончится наша прогулка, я бы, и сама никуда не пошла и Ляку не пустила.

Да что толку теперь, жизнь не терпит сослагательного наклонения!

Как оказалось, мы шли с ней по земле над пустотами, территории бывших шахт. Идем мы, разговариваем, вдруг земля просела под нами, пока мы переваривали, что это такое, земля ушла глубже и мы вместе с ней.

В конце концов, я чудом выбралась из ямы, нашла какую-то палку, выбеленную от солнца, протянула Ляке, а она...

Земля утащила мою сестренку, поглотила ее, накрыла с головой. Земля забрала у меня часть души.

Зачем-то я начала кричать, теряя драгоценные минуты. Потом уже прыгнула в яму, руками разбрасывая влажный суглинок. В итоге нашла я Ляку, раскопала, но слишком долго была она под землей. Я легла рядом с ней, говорила с ней, мертвой. Смотрела в ее лицо и казалось мне, что она улыбается. Бред, конечно. Разве может, человек умирать с улыбкой?

Надо было выбираться к людям, что-то делать. Мой телефон выпал, видимо, наверху, в заднем кармане джинсов Ляки, я обнаружила ее сотовый. Нашла в контактах номер ее отца, дяди Баглана и позвонила.

Он примчался с бригадой спасателей и врачей, нас вытянули наверх. Баглан-ага со мной почти не разговаривал, я отнесла это за счет естественной реакции на горе. Но дело было в другом.

Дальше завертелось, морг, формальности с опознанием, допрос в полиции, оповещение всех родных и знакомых и т. д. За мной приехал папа и прежде, чем, сесть в машину, я подошла к дяде Баглану, но он не дал мне ничего сказать.

- Дина, я всегда принимал тебя в своем доме, как родную дочь. Вы ушли вместе, а теперь моя дочь в морге, а ты – здесь. Я мог бы натравить на тебя ментов, и ты села бы за убийство моей дочери. Я не буду этого делать. И вот мое условие: сделай так, чтобы я не видел тебя ни на похоронах, ни после, никогда.

- П- почему???

- Потому что моя Лаура мертва, а ты живая!

Он ушел, а ко мне подошел папа.

- Он несправедлив, доча. Но ты пойми его, не обижайся, у него горе, он потерял ребенка.

Мы поехали домой. В голове шум, какой-то звон. Что происходит? Еще сегодня утром жизнь была прекрасна. А сейчас, моя подружка умерла, у меня на глазах, а ее отец винит в этом меня. Мой папа прав, его нужно понять.

Стало плохо от одной мысли, что мне не дадут проститься с Лякой. А ведь только вчера я сидела у них в доме, и Баглан- ага тепло расспрашивал меня обо всем, улыбался, смешил, а сегодня – такие холодные жестокие слова.

Его не в чем упрекнуть, он хороший отец. Дочек своих обожает, одевает как принцесс, на подарки денег не жалеет, внешне все выглядит безукоризненно. О чем это я, откуда лезут эти черви сомнения? Почему, еще до последнего разговора с Лякой, не раз возникало ощущение, что мне подсовывают красивый фантик, а когда опускается занавес, снимают маски? Или подруге что-то померещилось, а я пытаюсь раздуть из этого драму? Если опираться на здравый смысл, если откинуть все домыслы, он любит и Ляку, и Малику, и от горя готов обвинять кого угодно. Надо дать ему время.

Проводить Ляку в последний путь мне запретили, но кто отнимет у меня воспоминания о ней. Итак, как вы поняли, кроме семьи, у меня есть круг близких людей.

Подруга. Мы подружились еще в школе, она младше меня. С моей стороны, вначале, это была не столько дружба, сколько покровительство. Ее травили одноклассники, потому что она была... богатой. Неприлично богатой и при этом доброй, даже кроткой. Да- да, богатые тоже плачут. Я и застала ее горько плачущей за школой, еле вытянула из нее подробности.

На следующий день я пришла в ее класс и провела «разъяснительную» беседу. Девочек я запугала «психологически», а вот по отношению к мальчикам пришлось применить силу. Один из них, в результате моей излишней активности, вывихнул руку, и моя биография пополнилась первым приводом в полицию. На юных отроков это возымело сокрушительное действие: Лауру только что на руках не носили. А сама Лаура – я еще не знала, что мама зовет свою дочь Лякой – просто прикипела ко мне, буквально, благоговела передо мной.

Мне не нужна была дружба младшей школьницы, но мы ведь в ответе за тех, кого приручили. Так мы и общались, пока в один прекрасный день, я не поняла, если рядом нет Ляки, время, будто, течет мимо меня, да, эта девочка с вечно испуганным взглядом обещала расцветить мою жизнь яркими красками.

Потом Ляка снова начала плакать, ни с того ни с сего, в чем дело я от нее добиться не смогла. Но одно я знала точно, без меня она пропадет, я нужна ей, она нужна мне. О приступах плача я рассказала ее маме. Через неделю она погибла, согласно официальному протоколу, от рук неизвестного. Плакать Ляка перестала, только глаза стали глубже, от беспроглядной тоски, затаившейся внутри.

Одно радовало, ее отец – всегда веселый и громогласный – был нежен с ней и ласков, задаривал дорогими безделушками, как мог пытался заменить мать своим дочкам. И, к чести, его, надо сказать, так и не женился, и за эти годы ни разу не привел в дом женщину.

Брат. Константин в моей жизни появился задолго до Ляки. Когда мне было шесть, его семья поселилась рядом, мы стали соседями. Спустя два года моих братьев убили, а из семьи Константина ушел его отец. Мы, обнявшись, оплакивали, каждый свое горе. Маленький соседский мальчишка плакал о том, что отец бросил его, они с мамой остались одни и у него никогда не будет сестренки, а я, сквозь слезы, пожаловалась, что мои братья умерли и меня некому теперь защищать.

Тогда Константин принес мне, своего рода, клятву верности, он обязался с этого дня стать моим братом и защищать до самой смерти. Наивная детская выходка, и несколько лет ни мои родные, ни его мама не принимали наше родство всерьез.

Но однажды мой отец услышал, как Константин устроил форменный допрос моему прожатому, а в конце пригрозил: «Обидишь сестрёнку, найду, закопаю». И на праздновании моего дня рождения во всеуслышание объявил:

- А теперь, слово для поздравления предоставляется брату нашей Диночки.

Все стали переглядываться, не понимая о ком он говорит.

- Костя, слушаем тебя, - невозмутимо добавил отец.

Первой опомнилась моя мама.

- Габит, ты, наверное, забыл, Дина требует, чтобы мы называли его Константином.

Константин произнес трогательную речь, в числе прочего, он сказал:

- Ты самая настоящая сестра, критикуешь меня и ругаешь, и при этом никому не позволяешь говорить обо мне плохо. И еще. Меня уже самого бесит, когда друзья зовут меня Костей или Костяном. Еще вчера ты расстраивалась, говорила, что никто никогда не будет считать нас братом и сестрой. А сегодня, твой батя сказал и..., и все остальные никуда не денутся!

- Это уж точно, - под гомон всеобщего оживления и сама смеясь, сказала его мама.

На следующий день позвонил Константин.

- Завтра хоронят Ляку. Я за тобой зайду.

- Я не иду.

- Почему???

- Баглан Темирович сказал, чтобы я обходила его семью стороной.

- Он, что, с дуба рухнул? Вообще, спятил мужик.

- Ему обидно и неприятно, что его дочь погибла, а я жива.

- Дела- а, тогда, Дин, я тоже не пойду.

- Сходи, Константин, скажи ей, что я люблю ее и, обязательно разберусь с тем, кто ее до ямы довел.

Глава 10 Мальчики

О своем решении жить отдельно от родителей, я первым делом сообщила бабушке. Она жила в частном доме, сама топила печь и отвергала любую помощь. Жить с нами в «трёхкомнатной сторожке» категорически отказывалась.

Я была уверена, бабушка меня поддержит, но она пошла еще дальше. Она уступила мне свой дом, сама же перебралась к сыну и снохе.

- Только проводи в дом центральное отопление. Куда тебе с печкой возиться?

- Проведу. Давай жить вместе. Зачем вам троим тесниться?

- Видимо, я стала слишком старой, не хочу сидеть одна в четырех стенах.

- Почему одна? А я?

- А ты стрекоза будешь заявляться домой поздно, а мне что делать, ждать тебя до темноты? Да и с бабкой под боком ты, точно, замуж не выйдешь.

Так и было. Меня никто дома не ждал, да и я сама туда не торопилась. Со временем приходить в пустой дом стало невыносимо, и я, как и грозила в шутку друзьям, завела собаку. Ничего примечательного о щенке, хозяйка сказать не могла, кроме того, что это мальчик. Придумывать ему имя мне было лень, потому не мудрствуя лукаво, я его так и назвала. За год щенок вырос в крупную лохматую собаку по прозвищу Мальчик.

Весной следующего года, по дороге домой, я стала свидетельницей жуткой семейной сцены и не смогла не вмешаться. Грязный мужичонка в растянутых трико гонялся с ломом в руках по двору за истошно вопящей на всю округу, женщиной. Я решила было, помочь ей, пока не разглядела в ее руках тесак. Дверь на веранду приоткрылась от сквозняка, оттуда донеслись чавкающие звуки. Я вошла и увидела того, кому действительно нужна была моя помощь.

Ребенок лет четырех-пяти испуганно и лихорадочно ел что-то из тарелки на захламленном столе. Заметив меня, он затравленно метнулся в глубь дома. Я пошла за ним. Нашла его забившимся в угол, руками он прикрывал голову от возможных ударов. Я осторожно погладила его по давно не мытым, спутавшимся волосам. Сквозь прорехи в одежде виднелись синяки по всему телу.

Взрывоопасный коктейль противоречивых чувств, замешанный на жалости и злости, мог помешать мне здраво рассуждать. Поэтому я выдохнула, вытащила из сумочки завалявшуюся шоколадную конфету, одной рукой осторожно потянула детскую ручонку вниз, а другой аккуратно вложила ее в ладошку.

Набрала на смартфоне «102», объяснила суть дела и вышла во двор, наблюдая за неутихающей батальей между, как выяснилось из их перебранки, сожителями. Хозяйка ветхого строения, больше похожего на курятник, чем на дом, изрядно поранила своего собутыльника и этот факт лег в основу зреющего, в моей голове, коварного замысла.

Патрульным, приехавшим по моему звонку, я представилась соседкой и сгущая краски, живописала аморально-асоциальное поведение дерущихся. Женщина, очень кстати, кинулась на меня. Мне просто необходимо было, чтобы хозяйку дома увезли на время, ее пьяный дружок моим планам не помеха. Я бросилась ей навстречу, как бы желая успокоить и подставляя руки под лезвие огромного ножа в ее руках. Парни среагировали мгновенно и вот, уже моя «соседка» в наручниках осыпает меня отборной бранью. У ее сожителя забрали лом и увезли обоих в неизвестном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.